

УДК 101.1

А.Ю.Винников

ДИСКУРСИВНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ФИЛОСОФИИ. КРИТЕРИИ

*Все, что нам нужно – немного порядка,
чтобы защититься от хаоса.*

Ж.Делёз, Ф.Гваттари
«Что такое философия?»

Одна из трудностей, с которыми сталкивается сегодня философское сообщество, связана с самим понятием «философия». Термин «философия» используется разными авторами в разных смыслах и в целом является весьма неопределенным: с его помощью идентифицируются идеальные образования, опровергающие друг друга и взаимно отрицающие правомерность конкурента на звание «философии». Так, долгое время традиционалистски настроенные философы отказывали неопозитивизму в статусе «философия», а представители неопозитивизма, в свою очередь, относили работы традиционалистов к обыденному непрофессиональному разговору. В настоящее время неопределенность усугубилась из-за появления на границах философии массы прикладных и междисциплинарных областей и исследовательских программ (когнитивные науки, теория действия и пр.), которые не укладываются в классическое представление о предмете философии. Неопределенность с понятием «философия» еще более возросла с появлением на философской сцене постмодернизма, смешавшего все карты, обрушившегося на весь академический канон, предложившего возвести литературную эссеистику и литературную критику в ранг «философии» и даже более высокий ранг «высоколобой культуры».

Представители уже упоминавшейся традиционалистской линии в философии воспринимают постмодернистские идеи как релятивные, как несущие полное отрицание возможности дискурса истины и объективного знания. Критика вращается вокруг излюбленной тематики постмодернистов: смерти субъекта и осуждения рацио-лого-центризма. Постмодернизм воспринимается как символ методологической анархии, смуты и тупикового пути развития. Однако постмодернисты не являются «кинками знания» и не призывают всех забросить попытки познавать, а стремятся развивать его. При этом они производят кардинальную реконструкцию устоявшихся традиций в познании, опровергают и откладывают многие прежние его достижения, ставят все «с ног на голову», чем и вызывают вышеназванную неприязнь. Несмотря на то, что постмодернизм - разрозненное и не дающее окончательных вариантов ответов направление, представляющее скорее переходный этап через «смуту» современной неопределенности, его идеи представляются нам достаточно продуктивными и в области теории познания, и в социальной теории, и в области метафилософии. В частности, в 1991 г. вышла в свет совместная работа Ж.Делёза и Ф.Гваттари «Что такое философия?». В ней авторамидается ответ на вопрос, поставленный самим названием. Данная интерпретация представляет большой

интерес, как попытка удовлетворить обозначенную актуальную потребность дискурсивной самоидентификации и переосмыслиения сути философии.

Согласно Делёзу и Гваттари, «философия представляет собой три элемента, взаимно соответствующих друг другу, но рассматриваемых каждый отдельно: префилософский план, который она должна начертать (имманенция), профилософский персонаж или персонажи, которых она должна изобретать и вызывать к жизни (инсистенция), и философские концепты, которые она должна творить (консистенция)» [1,100].

Рассмотрим эти элементы поподробнее.

Прежде всего, говорят Делёз и Гваттари, «философия - это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [1,10]. Концепт есть не что иное, как мыслительный акт, который служит решением существующей проблемы. У концепта не может быть референции, т.к. будучи творим, он одновременно полагает и себя и свой объект - он автореферентен. Концепты – это всегда исключительно созидательно-мыслительное творчество потому, что если бы концепты существовали уже готовыми, у них имелись бы пределы, которые следовало бы соблюдать, что противоречило бы самой сути концептуализации.

Концепты - это центры параллельной вибрации мысли, каждый в себе самом и по отношению друг к другу. Концептам чужда последовательность, в них все перекликается, вместо того чтобы следовать или соответствовать друг другу. «В качестве фрагментарных целых концепты не являются даже деталями мозаики, так как их неправильные очертания не соответствуют друг другу. Вместе они образуют стену, но это стена сухой кладки, где все камни хоть и держатся вместе, однако каждый по-своему. Даже мосты между концептами - тоже перекрестки или же окольные пути, не описывающие никаких дискурсивных комплексов. Это подвижные мосты. В таком смысле не будет ошибкой считать, что философия постоянно находится в состоянии отклонения или дигressивности» [1,35].

Тем не менее, концепты перекликаются, и творящая их философия всегда представляет собой могучее нефрагментированное открытое Единство, беспредельную Всецелость, собирающую их все в одном и том же плане. «Концепты и план строго соответствуют друг другу, но их тем более точно следует различать. План имманенции - это не концепт, даже не концепт всех концептов» [1,48]. Это образ мысли, позволяющий устанавливать форму порядка, которая, подобно плоскому плану, делает срез хаоса. Он подобен Логосу, но это далеко не то же самое, что «разум». Разум - это всего лишь концепт, и при этом слишком скучный, чтобы им определять план.

План всегда имманентен такому порядку, однако мыслители невольно пытаются истолковывать имма-

нентность как имманентную чему-то, будь то великий Объект созерцания, или Субъект рефлексии, или же Другой субъект коммуникации, и при этом фатальным образом вновь возникает трансцендентность. Это, кроме того, неизбежно потому, что план имманенции может претендовать на уникальность Плана. Однако, как видно, эта уникальность в свою очередь лишь восстанавливает тот самый хаос, который он был призван предотвратить. Остается выбирать между трансцендентностью и хаосом. Там, где трансцендентность, универсальность, вертикальное Бытие, имперское Государство на небесах или на земле - там место для религии, а философия всегда там, где уникальность, имманентность, пусть даже она служит ареной для агона, соперничества и вызывает иллюзию приближения к простому мнению. Наука, стремящаяся бороться против мнения, всего лишь попадает под религиозную тягу к единству и унификации. И тем не менее, она (наука) цепляется за устойчивые мнения, пусть только наши идеи будут взаимосвязанными согласно каким-то минимальным постоянным требованиям. Однако концепт – это не комплекс ассоциативных идей, наподобие мнения - он, как плод философии, имеет креативную природу.

«Концепты - это конкретные конструкции, похожие на узлы машины, а план - та абстрактная машина, деталями которой являются эти конструкции. Концепты суть события, а план - горизонт событий, резервуар или же резерв чисто концептуальных событий; это не относительный горизонт, функционирующий как предел, меняющийся в зависимости от положения наблюдателя и охватывающий поддающиеся наблюдению состояния вещей, но горизонт абсолютный, который независим от какого-либо наблюдателя и в котором событие, то есть концепт, становится независимым от видимого состояния вещей, где оно может совершаться» [1,49]. План имманенции - как некое измерение, в котором и только в котором, существуют и могут существовать его концепты. Кроме них в плане не может быть ничего. Таким образом, план имманенции служит полотном, при чтении и интерпретации которого возникают дискурсы.

«В пределе можно сказать, что каждый великий философ составляет новый план имманенции, приносит новую материю бытия и создает новый образ мысли, так что не бывает двух великих философов в одном и том же плане. Действительно, мы не можем представить себе великого философа, о котором не приходилось бы сказать: он изменил смысл понятия “мыслить”, он стал (по выражению Фуко) “мыслить иначе”» [1,68].

Здесь мы подошли к следующему элементу философии Делёза и Гваттари - концептуальному персонажу. Это наиболее трудно определимый и понятный элемент, поскольку он имеет отношение к фактору субъективности – наиболее спорному по отношению к философии постмодернизма, а потому вызывает особый интерес.

Каждый концепт - это шифр, которого раньше не существовало. Концепты не выводимы прямо из плана, для их творчества в плане имманенции, как и для начертания самого плана, требуется концепту-

альный персонаж.

Концептуальные персонажи – это, прежде всего, мыслители, которые служат посредниками между хаосом и диаграмматическими чертами плана имманенции, а также и между самим планом и интенсивными чертами заселяющих его концептов. Их личностные черты тесно смыкаются с диаграмматическими чертами мысли и интенсивными чертами концептов. Эти мыслители отображают точки зрения, с которых различимы и обобщаемы планы имманенции, а также обеспечивают условия, при которых каждый план заполняется концептами одной группы.

«Концептуальный персонаж - это не представитель философа, скорее даже наоборот, философ предоставляет лишь телесную оболочку для своего главного концептуального персонажа и всех остальных, которые служат высшими заступниками, истинными субъектами его философии» [1,83].

Но кто же все-таки такой этот концептуальный персонаж?

Л.А.Маркова, исследуя философию Жиля Делёза, ищет ключ к пониманию концептуального персонажа в философии Платона. «Припоминая, обнаруживая в себе уже имеющееся в собственной душе знание, я как философ как бы постоянно, с помощью такого знания, вступаю в общение с кем-то другим, автором этого знания» [2,33]. Подобная интерпретация, с нашей точки зрения, является некорректной. Она подразумевает трансцендентализм (существование где-то уже готового знания), и, следовательно, воспроизводит все того же платоновско-декартовского «субъекта» классической философии, который, безусловно, Делёза и Гваттари устраивать не мог. Их концептуальный персонаж, прежде всего, творец философии.

Основания понимания сути концептуального персонажа можно найти в философии М.М. Бахтина. Имеется в виду его идея замещения абстрактного гносеологического субъекта новоевропейской философии взаимоотношением автора и героя. Бахтин «расщепляет» субъект на две составляющие: «того, кто осуществляет рефлексию над познанием, «пишет» о нем, тем самым становясь “автором”, и того, кто осуществляет само познание, являясь его “героем”» [3,85]. Один из них существует в реальном (физическом) мире, другой в абстрактном, вневременном мире - «мире теоретизма». В дальнейшем Бахтин исходит из того, что вневременная значимость теоретического мира должна каким-либо образом помещаться в действительную историчность реального мира (бытия-события). «Действительный акт познания совершается не изнутри абстрактного мира, но как ответственный поступок, приобретающий вневременную значимость единственному бытию-событию и тем самым вписывающий его в конкретное время» [3,91].

Как видно, Бахтин стремится расширить теорию познания введением в нее фактора времени, а его «автор», на наш взгляд, содержит в себе явные зачатки исследуемого нами концептуального персонажа. Они оба (и «автор» Бахтина, и концептуальный персонаж) необходимо должны объективировать себя, например, в тексте. «Философский акт высказывания не производит вещей с помощью называю-

щих их слов, но он производит движение с помощью мысли о нем, через посредство концептуального персонажа. Таким образом, концептуальные персонажи оказываются истинными агентами высказывания» [1,84].

Окончательному раскрытию сути концептуального персонажа поможет понимание природы знания - как существующего не где-то, а когда-то и у кого-то. В каждом из нас мыслит тот или иной концептуальный персонаж, который до нас и не существовал. В каждый отдельный момент времени каждый из нас сознанием един со своим концептуальным персонажем. Но весь мир вокруг и каждый человек находится в процессе постоянного изменения. Меняется со временем и наш концептуальный персонаж, а с ним меняется и наше отношение к себе и окружающему миру, наше поведение. Чтобы не исчезнуть без следа, сохранить себя и плоды своего творчества, концептуальный персонаж должен воплотиться в физическом мире для возможности дальнейших коммуникаций. Это воплощение, как застывший образ фотографии, будет повествовать о былом времени и теоретическом мире исчезнувшего концептуального персонажа, что позволит другому концептуальному персонажу, либо своего, либо чужого сознания, вступать с ним в общение, хоть и одностороннее. Воплотившийся концептуальный персонаж, как правило, получает свое определение – имя (например, у Платона - это Сократ, у Ницше – Дионис и Антихрист; это может быть псевдоним или личное имя в привязке к определенному времени); и именно поэтому концептуальный персонаж всегда воспринимается третьим лицом.

Таким образом, концептуальный персонаж функционирующего в настоящий момент сознания, посредством интерпретации оставшегося во времени наследия, может косвенно перенимать идеи своих предшественников. Косвенно потому, что его рассуждения все равно будут плодом его индивидуального творения, но эта философия уже не будет начинаться с чистого листа.

Что же касается субъекта, то он не более чем привычка в поле имманентности, просто привычка говорить «Я». «Я» - это всего лишь форма, содержимое которой бесконечно меняется; «Я» - это всегда третье лицо.

Однако на этом рассуждения Делёза и Гваттари о природе философии не заканчиваются. «Существуют группы концептов, поскольку они между собой перекликаются или связаны подвижными мостами, покрывая один и тот же план имманенции, который

соединяет их между собой. Существуют семейства планов, поскольку бесконечные движения мысли имеют в них общий сгиб и составляют вместе вариации кривизны или же, напротив, отбирают такие разновидности, которые составить вместе невозможно. Существуют типы персонажей, поскольку они обладают возможностями встречи (пусть даже враждебной) в одном плане и одной группе. Часто, однако, бывает трудно определить, идет ли речь об одной и той же группе, типе, семействе. Для этого требуется настоящий "вкус"» [1,100].

Концептуальный персонаж, его план имманенции и концепты существуют строго одновременно и обладают только несоизмеримыми отношениями между собой. Никакое правило и никакая дискуссия не способны сказать нам заранее, правильно ли выбран данный план, данный персонаж, данный концепт. Эти три элемента должны гармонично соответствовать друг другу, ибо удачность или неудачность каждого из трех определяется двумя другими. Именно эту гармонию Делёз и Гваттари и называют «вкусом». Он характеризует способность к выполнению главной философской задачи - созданию концептов.

Резюмируя вышесказанное, можно выделить существование помимо «объективного» (физического) мира некого другого, автономного от него, мира – «мира теоретизма», сферы познания. Причем мир этот подвержен куда большим изменениям, чем мир физический. Тем не менее, он, как плод нашего творения, в отличие от окружающей нас объективной реальности, все-таки может быть нами познан и понят (Вико). Возможно это благодаря стремлению (и способности) мыслящих в нас концептуальных персонажей к манифестации и фиксации своих творений, в первую очередь в тексте. План имманенции – это то общее, что может объединять нескольких концептуальных персонажей и обеспечивать их взаимопонимание, но, как правило, он не определим, а только подразумевается для преподнесения главного результата творчества концептуального персонажа – концепта. Концепт, таким образом, является главной точкой взаимодействия субъективного, индивидуального в философии.

Философский вкус же предстает собой ни что иное, как любовь к хорошо сделанному концепту, а о вкусах, как известно, не спорят. О многих философских построениях следовало бы сказать, что они не ложны (то есть ничего не сказать), а незначительны и неинтересны, - потому, что они не творят концепта, не привносят нового образа мысли, не порождают (отображают) мало-мальски стоящего персонажа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? - М.: Ин-т экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. - 288 с.
2. Маркова Л.А. Философия из хаоса. Ж. Делёз и постмодернизм в философии, науке, религии. – М.: Канон +, 2004. – 384 с.
3. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.

□ Автор статьи:

Винников
Артем Юрьевич
– аспирант кафедры философии